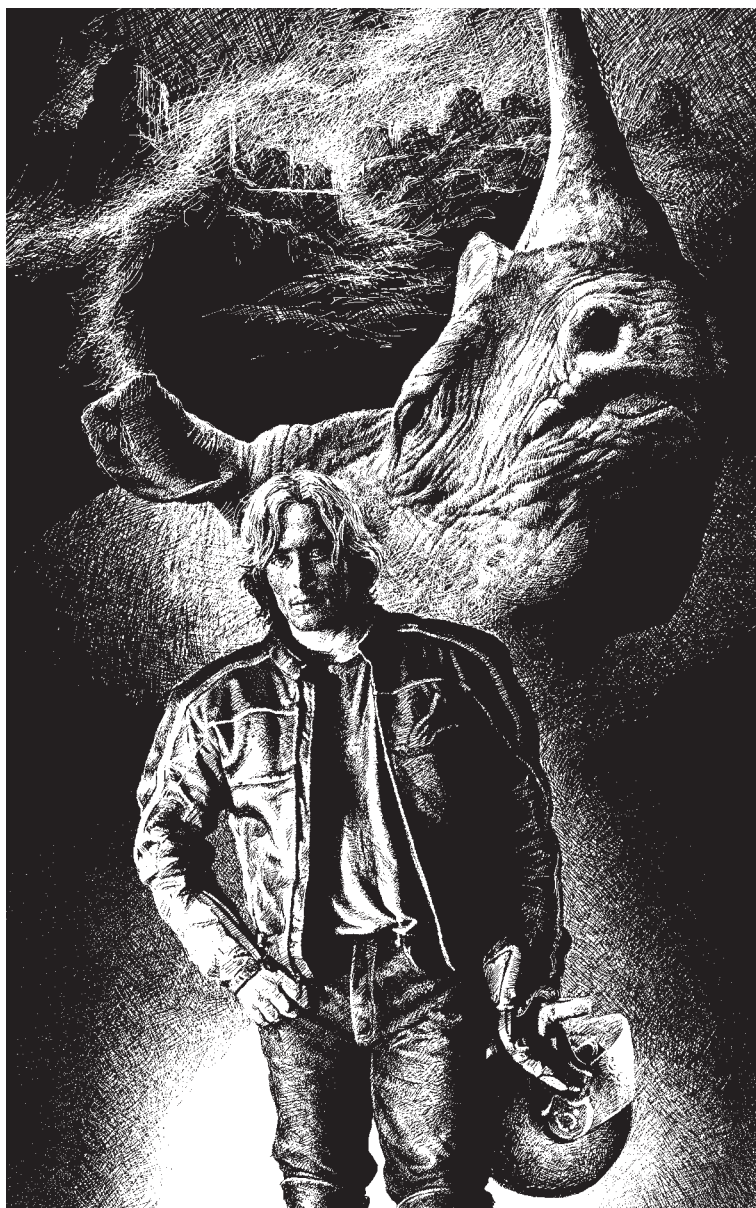

Книги Вадима Денисова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«МИР СТРАТЕГИИ»

СТРАТЕГИЯ. ЗАМОК РОССИЯ
СТРАТЕГИЯ. ЭКСПАНСИЯ
СТРАТЕГИЯ. СПАСАТЕЛЬ
СТРАТЕГИЯ. РУССКИЙ СОЮЗ
СТРАТЕГИЯ. КОЛОНИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ДЕНИСОВ

СТРАТЕГИЯ. КОЛОНИЯ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д33

Серия основана в 1992 году
Выпуск 836

Художник
В. Федоров

Денисов В. В.
Д33 Стратегия. Колония: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 409 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1437-6

В Замке Россия короткое осеннее затишье. Но останавливаться никак нельзя. И вот уже «Клевер» опять поднимает якоря и вновь сформированная команда Спасателя держит путь к берегам еще одного неизведанного континента. Каким будет дальний путь, какие трудности и приключения ждут впереди, что принесет России эта новая экспедиция? Ведь задача непростая: надо пройти через океан и раньше всех начать освоение южного материка. Новые союзники и враги, новые возможности и открытия — всё впереди. А пока надо поднять и удержать флаг над первым оплотом России в Южной Америке — базой Форт-Росс.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Денисов В. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1437-6

Состав экспедиции «Беринг»

Мужчины:

1. Федор Потапов, русский, 29 лет, р/п «Тунгус». Спасатель. Начальник экспедиции.
2. Ули Маурер, швейцарец, 44 года. Капитан корвета ВМФ России «Клевер».
3. Саджал Чандра Дас, бадха, 15 лет. Матрос-рулевой корвета ВМФ России «Клевер».
4. Юрий Вотяков, русский, 27 лет, р/п «Эфир». Радиоинженер, инженер-электронщик.
5. Данила Хвостов, русский, 34 года. Техник-механик.
6. Константин Лунев, русский, 31 год, р/п «Кастет». Командир группы сталкеров. Боец.
7. Михаил Сомов, русский, 30 лет, р/п «Гоблин». Сталкер. Боец.

Женщины:

1. Ленни Кальми-Ре, швейцарка, 26 лет, р/п «Zicke». Боец.
2. Ольга Лунева, русская, 24 года. Биолог.
3. Нионила Маурер, русская, 41 год. Повар.
4. Катрин Гийяно, француженка, 27 лет, р/п «Cotton». Пилот мотодельтаплана. Боец.
5. Светлана Туголукова, русская, 30 лет. Хирург, врач экспедиции.

ГЛАВА 1

Открытые воды. Свежий ветер с юга

Шаг из-за туши низкой надстройки — и сразу свежий ветер в лицо.

Это ошеломляет до изумления. Это что-то первобытное, настоящее и честное.

Свежий ветер — тугой постоянный напор, сильный, но мягкий и теплый. Ветер сразу осторожно пробует тебя на крепость — кто ты, зачем здесь, не ошибся местом?

Не ошибся — ты чуть вскидываешь голову и жадно ловишь ноздрями струи, а в них — разбитые в пыль брызги и запахи всех морей сразу, в них — ожидания и надежды. Гудящий на одной ноте в штагах — тросах, поддерживающих невысокую мачту «Клевера», — и тонких стойках антенн, такой ветер означает, что опытный шкипер ведет судно ровно, уверенно, не виляет и не выравнивает курс после тяжелых ударов масс воды в крашенную флотской шаровой краской скулу из стали спокойной плавки. Это значит, что винты работают синхронно и огромному лепестку руля не нужно вмешиваться в работу движителей «Клевера».

Этот очищающий свежий ветер, настоящий на морской соли и йоде, может проникать в тело и душу, минуя легкие и рациональные фильтры сопротивляющегося восторженности разума. Вся береговая суета людей сухопутных под его очищающим воздействием представлялась чем-то эфемерным. Реальны лишь силы ветра и океана. Реален небольшой кораблик, несущийся к цели, и странные люди на его борту.

Ветер-друг, ветер-проводник.

Свежий ветер сушит слезы расставания и напрочь выдувает из загруженной башки все плохие мысли. Что? Еще остались? Тогда делай шаг — и на ветер! Он вразумит и выле-

чит. Поможет выгрузить осадок сутолоки прощания, невозможность суеты последних дней и постоянные мысли о гонке, гонке, гонке... Все, брат, ты в дороге!

Как мне это знакомо. Как я этого ждал.

Ну, здравствуй, старый знакомый! Давно не виделись.

Ничего нет лучшего, чем эти первые часы после старта. Собираешься, готовишься, читаешь и изучаешь, комплектуешь и договариваешься. И вот мягкий звонок будильника на смартфоне, последний глоток кофе, торопливо выпитого дома или в бюджетном номере провинциальной гостиницы, лихой прыжок в старенький УАЗ с раздолбанной подвеской и расшатанными сиденьями, бросок через сумрак сонного города — и выход на магистраль. Джип, проснувшись и удивившись отсутствию на асфальте других машин, с трудом, но набирает скорость, а вскоре и летит. Потом пара поворотов, хвойный лесок, плоское поле, ажурная пирамидка и светосигнальные приборы антенн ближнего привода... И ВПП, с которой только что с ревом ушел в утреннее небо тяжелый борт МЧС.

А вот и твоя «Аннушка», стоит вдальке, терпеливо ждет. Редкая удача: ведь туда, куда тебе надо, борт летает всего один раз в месяц. Успел ты, не споткнулся, не подвел — столько хороших людей участвовало в твоей заброске в даль дикую... Там падают огромные метеориты, в одинокие охотничьи избы ночью стучится ужасная и прекрасная Синильга, а в сумрачных дебрях, в самых глухих местах бродит таинственный дикий человек — чучун.

Все знакомо! Молчаливый второй пилот, молоденький парень, нагнувшийся к дутику и что-то там высматривающий, крестообразные заплатки из цветного скотча на плоскости и подходящие напряженные пассажиры, люди, которых ты больше никогда не увидишь. Потом прогрев двигателя, переговорка, рулежка, короткий разбег — и в небо! Ах, как же легко взлетает «Аннушка»...

И почти сразу ямочка, нате вам. Да и плевать, на соседей-провокаторов со страдальческими лицами, что сидят напротив, мы не смотрим, мы смотрим вниз. А там обманчиво цивилизный пейзаж неожиданно резко сменяется матерой тайгой. Как же мне тебя не хватало, родная... И начинаешь мурлыкать под нос нечто знакомое и близкое...

Тебе предстоят два часа болтанки над тайгой, потом перевалка в кузов бортового «зилка», тряский маршрут по проселкам и просекам, к базе, где ждет вездеход ГТТ. И ждет недолго: у людей свои дела. Скоро ты останешься один, лишь ствол и старый трубчатый станок с притянутыми к нему гермами станут тебе помощниками. И пусть впереди много непонятого, это уже не суть важно. Ты летишь, а значит, ты уже в Пути. Именно эти мгновения начала путешествия более всего ценны.

Ну, лично для меня. А песенку Вахнюка я и в этот раз тихонько пел.

Волна появляется, однако. Судно начинает покачивать, кончилась лафа.

— Таблеточку примем, больной. — Решительно подошедшая Светлана Туголукова протянула мне крошечный пластиковый стаканчик. Канонически — вот что значит настоящая медицина на борту. Не в пальцах держит и не на ладони, все солидно. Я покладисто принял, проглотил, запил из врученной фляжки: не умею на сушняк глотать. Пример показал. Маурер еще до старта объявил — мол, «будем тестировать».

— Мутить поначалу будет всех, а вот полоскать — не всех. Выявим и приступим к тренировкам. Но и излишней нагрузки не надо.

Сказать «спасибо» за швейцарский аналог старого доброго «аэрона» я не успел — она уже удалялась по палубе, готовясь окучивать остальной личный состав.

Когда в былые времена мы шли на мотоботе вдоль берега от Ганга к Волге, народ себя уже испытал. Я перенес переход нормально, Ленни и Катрин побледнели. С морской болезнью не угадаешь. Океан — он такой, чужой школы не терпит. Казалось бы, занятия дельтапланом должны были... Не должны, оказывается. Индус Джай, наш товарищ и бывший напарник по всем приключениям, оставшийся в Шанхае, реально помучился, а Сашке-цыгану хоть бы хрен. Шкипер тоже привыкал к качке: она в океане существенно отличается от прибрежно-морской. Очень глубокая зыбь, даже при незначительном волнении. Судно, особенно маленькое,

долго всходит и долго опускается, получается растянутый эффект, самая тошнота.

Эрдель Боцман пока в лежку, уныло страдает в каюте капитана — у молодых псов это частая проблема. Котенку все нипочем — пригрелся в мастерской, пару раз Хвостов, не выпуская из рук, вытаскивал его на палубу.

Народ до сих пор не может прийти в себя, все в шоке: неужели удрали! Но большинство с палубы ушли — смотреть, по большому счету, не на что, мы в океане. А вот сразу после отхода экипаж разместился наверху, шкиперу даже пришлось сгонять зевак с левого борта, куда мы все и сгруппировались. Сидели и молча смотрели на проплывающие мимо берега, такие знакомые, родные... Возле устья Листвянки «Клевер» встречала целая делегация: еще бы, их дочка катит на всех парах за романтикой. Женщины помахали, Ольга в который раз всплакнула, бородатые мужики с Кордона, челябинских парней хавающие на завтрак, скупко пальнули в воздух.

С самой Ольгой и насчет нее договаривались сложно. Оставить малого ребенка, да на полгода, до апреля, когда по плану произойдет первая ротация и семья Луневых, как и Гоблин, вернуться в Россию... Родни до черта, бабки, тетки, сестры, братья, все многодетные, опытные — проблем никаких, как за каменной стеной дитя будет! И все-таки. Не каждый может, по примеру участников Великих Северных экспедиций и семей многочисленных советских полярников, пожертвовать семейным уютом ради какой-то там Цели. А мне была нужна связка Лунев — Сомов, и только так. Категорически. Ударное звено сталкеров в новых землях — половина успеха «Беринга», особенно на самом первом и самом трудном этапе.

Ольга сразу заявила, что она мужа «амазонским бабам» не отдаст. А биолог и практикующий агроном-селекционер тоже был нужен позарез. После месяца переговоров со мной и пары бесед с Сотниковым про СССР грозный дед миссию принял, можно даже сказать, смиренно: муж и жена, знаете ли, ниточка и иголочка, куда тут деваться. Знали, что за непоседу кровиночку замуж отдают. Потомуку поморов дело знакомое: не они ли на годы уходили в дальние края... Ничего, до апреля время быстро пролетит.

Со Светланой тоже было непросто. Когда Зенгер смело объявила решение, я ушам своим не поверил — она вообще понимает, чью дочку собираются в поход отправлять? Из пяти добровольцев Медцентра я поговорил со всеми, пытался принять наиболее разумное решение, выработать окончательное веское слово. Не получилось. На очередном заседании Штаба, где обсуждался этот вопрос, а я пытался провести некий анализ рациональности, Маргарита Эдуардовна мне сказала следующее:

— Сама решу, не вмешивайся, Спасатель. Ты знаешь, что я по молодости в Антарктику с экспедициями ходила? Два раза, вот так-то, мальчик мой.

Если бы главврач заявила, что она голой танцевала в Вудстоке, я бы удивился меньше.

А Сотников лишь улыбнулся: он-то наверняка знал. В общем, сама она и выбрала, никто не поспорил. У нас ведь тут режим жизни особый. Это тебе не Старая Земля, где у каждого есть бесконечные возможности для маневров души и совести, убеждений и принадлежностей. Мы словно на межгалактическом корабле-монстре, огромном, как какой-нибудь сложносочиненный «Энтерпрайз» или «Ностромо» из фантастического фильма. Здесь императива бесконечно неотъемлемой Свободы Личности не существует. Здесь есть слово «Надо».

Тебя спросят, но до поры. С тобой посоветуются, но в рамках.

Как мне рассказывали мужики, это отработали с самого начала, с Эдгаром. Можешь отшельничать, но работай. Можешь общечеловечить, но и выполняй кое-что на благо общества, анклава. А если не согласен — вон с космического корабля: запас кислорода на несколько часов, две пальчиковые батарейки в задницу, створки открываются — и в путь, дуй за Индивидуальным Счастьем.

Сама Светка хотела попасть в экспедицию до отчаяния. В хирургическом блоке уже три полостника, никакой карьеры. А тут — важнейший человек, настоящий Хранитель. Впереди реальный полевой опыт, почет-уважение и никаких вам «Светок» в перспективе, сплошная Светлана Семеновна. Да и скучновато в герметичных отсеках звездного

крейсера, не всем это по душе. Семен Туголуков думал пять дней. И отпустил кровиночку.

С Нионилой никаких проблем не возникло. Она, похоже, и сейчас не понимает, какие такие могут быть опасности, если она плывет на надежном судне с любимым человеком. С ней я мгновенно общий язык нашел. Узнав, что Федя периодически поварил в полевых экспедициях, она меня быстренько прокачала, проверила на раскладки и поверила. Теперь нам всегда есть о чем поговорить в свободную минутку. Не знаю, стоит ли говорить об остальных участниках: это выжимка, эссенция из нормальных авантюристов — как прирожденных, так и новообращенных, примером чему может быть наш радист. Хорошая получилась команда. Тем более что все друг друга на звездолете знают. Единственное неизвестное в уравнении — Светлана. Характеристики, досье, тесты — все это не то, тут только дело покажет.

Присматриваюсь, общаюсь. Таблетки вот глотаю.

— Наслаждаешься, Федя? — спросил за плечом знакомый голос — спокойный, никакого возбуждения.

— Не напыюсь никак, — признался я. — Но состояние похуже.

— Понимаю...

Это на палубу Кастет вышел, в крутом спасательном жилете, новейшая модель; сел рядом. Мы теперь все в «спасах» наверху ходим, таково распоряжение шкипера: в открытых водах падать голяком за борт крайне нежелательно.

— Ну что, видел кого-нибудь? — спросил он.

— Кто интересуется? Дельфинов видел.

Дельфины огромные. Упитанные китятки, платформенные.

— Не, дельфины не пойдут, их жалко. Акула нужна.

— Акулы нет.

По мне, так даже хорошо, что нет. Оценивая местных акул, хочется намазать спасательный жилет кайенским перцем, чтобы хоть напоследок досадить этим тварям конкретно.

— Ниче, будем ждать, — с улыбкой успокоил меня Костя. — Как появятся, сразу дай знать, лады? А то пока Гоба разбудишь...

Я кивнул. Мужикам буквально не терпится вlepить с ту-

рели из «Удара» главному морскому ужасу в бочину, проверить эффективность новой игрушки. Лунев встал, на всякий случай оглядел бескрайнюю водную гладь и, чуть покачиваясь, отправился вниз. Народ, насидевшись на палубе, помаленьку начал разбредаться по каютам: всем нужна перезагрузка системы. Zicke тоже подушку мочит, недавно проверял, ну да ее талант всем известен, Ленка спит как кошка, при любой возможности.

Оставшись на палубе один, я опять откинулся на надутый борт «Зодиака», возле турели ДШК, широкие щитки которого частично гасили ветер.

Подвесной «Эвинруд» капитан ставить на лодку так и не разрешил: опасается шкипер, на воду дует, и я его понимаю. Как бы ни был опытен Ули Маурер, океанской практики у него нет, лишь северные европейские моря опробовал, и то ближним побережьем. Тем более нет у него опыта плавания в Океане иной планеты. Черт, отчего-то «Солярис» Лема вспомнился...

Пока Ули не освоится, не изучит поведение «Клевера» в новых условиях, никакой тяжести поднять выше трюма не даст: боится повышать центр масс. В моем понятии — чистая перестраховка. В его понятии — не надо славянкины с «авоськами». Тут у нас со шкипером есть давний повод для продуктивных вечерних споров.

Кроме «Зодиака» на палубе у кормы, почти на месте снятой катушки-лебедки, закреплена толстая серая «сарделька» кокона стандартного спасательного плота-неваляшки. Конструкция там хитрая, позволяющая автоматически разобщать спасательный плот с судном на глубине не более четырех метров, если уж буль-буль (я завертел головой в поисках дерева)... бац — и плот всплывает, автоматически надуваясь инертным газом. Кстати, устройство, обеспечивающее свободное всплытие спасательного плота, включает так называемое слабое звено — оно-то и срабатывает, отпуская плот на свободу. Вот ведь как бывает... Все стараются от слабого звена избавиться, а тут — необходимая вещь. Один такой надутый монстрик в случае какой-либо беды спокойно вместит всю команду. Вообще-то он две такие команды вместит: с запасом брали. И еще «Зодиак»... без мотора. Нет, надо бы

дожать шкипера, что это за хрень: судно (а это судно, пусть и маломерного флота) — и без двигателя!

В комплектации плота чего только нет, мы этим с Кастетом занимались. Приспособы для сбора дождевой воды. Три водоналивные батарейки сигнально-поискового огня, на двадцать часов каждая. Мех ручной для подкачки отсеков. Два больших контейнера со снабжением на камерах плавучести между дугами тента. Сигнально-поисковый огонь, лампочка на два с половиной вольта защищена прозрачным пластиковым колпачком. Видно его с четырех километров. Двусторонние накидки на всех, с одной — серебристый отражатель, четыре штуки солнцезащитных очков. Набор внутреннего освещения, аналог «сигналки»: в мешок заливается забортная вода, после чего лампочка начинает светить.

Снабжение: плавучее спасательное кольцо, на плавучем спасательном лине в тридцать метров, три «фискаровских» ножика с плавучей ручкой в кармане с наружной стороны тента вблизи места крепления фалиня к плоту, три шлюпочных ножа производства Коровинской артели им. XVIII партийного съезда, три «викторинокса». Два плавучих черпака, две губки, два плавучих якоря: запасной и постоянно закрепленный. Две пары коротких мощных весел, ножницы. Две аптечки в водонепроницаемой упаковке, два свистка, четыре мощные парашютные ракеты, одна ракетница с пятью патронами, шесть фальшфейеров, две плавучие дымовые шашки. Имеется два ручных опреснителя, небольшая солнечная батарея с аккумулятором, водонепроницаемый фонарь-светодиодник, годный для сигнализации по азбуке Морзе, запасной комплект батарей. На плоту установлен радиолокационный ответчик и радиолокационный отражатель, есть сигнальное зеркало, таблица спасательных сигналов и три комплекта рыболовных принадлежностей, маленький газонаполненный бинокль, гарпун и, конечно же, чудо-порошок для отпугивания акул, не приведи господь испытать его на эффективность...

Отдельно был уложен пищевой рацион в воздухонепроницаемой упаковке калорийностью из расчета больше десяти тысяч килокалорий на каждого человека и пресная вода из расчета по полтора литра на одного пассажира. Имеется и

оружие. Мы герметично упаковали два револьвера «Наган» с сотней патронов и пару «хаудахов» двенадцатого калибра с полсотней картечных «ротвейлов». В особый контейнер Юра Вотяков впихал какую-то особую рацию, способную теоретически достучаться до острова Входного или до Эдгара. А уж там «Нерпа», может быть, как-нибудь — если повезет... Брр, даже думать не хочется. Остальное — уж кто что успеет схватить с собой, когда морские окуни начнут передавать первые приветы.

Для установки дополнительного оснащения пришлось в условиях реммастерских вскрывать штатный контейнер, снимать систему надувания и вообще заниматься всем тем, от чего упали бы в обморок земные инспекторы, увидевшие такие нарушения конвенции СОЛАС.

Спрашиваете, какого лешего я все это так подробно описываю? Да потому что страшно!

Сейчас все мы слегка перегорели, немного успокоились.

А вот когда только прикидывали и комплектовали... Отгоняли дурные мысли прочь, но они возвращались и возвращались. Это ни хрена не шутки. Это, *hombre*, реальная испанская авантюра с новыми землями. Обманчивое чувство самоуверенного старожила исчезло махом — с чего это ты взял, что уже знаешь этот новый мир? Ты знаешь лишь небольшой регион, глупый. Впереди мир непредставимый, а перед ним лежит неизвестный Океан. И никаких точек аварийного схода с маршрута, никаких сил МЧС. Есть карта, на которой человеческий ноготь может закрыть средней величины европейскую страну. Есть некий план. И есть масса вопросов. Знаете, сейчас я очень хорошо понимаю Колумба и Кортеса... Колумб хоть в Индию плыл, пусть и ракообразным способом. А мы пилим в откровенное Никуда.

Однако само это Никуда никого особо не страшит. К примеру, Гоблину вообще плевать, кто там и что там сидит на новых берегах, у него ко всем «правильный подход» есть.

Но никому не плевать на сам Океан.

Он по-настоящему пугает. Океан в любой момент способен сотворить что угодно и с нашим верным «Клевером», и с нами, самонадеянными гордецами. Вот мы и готовились, перебирали и выписывали каналом, вязали, перевязывали.

Кстати, умение всех членов экспедиции уверенно держаться на воде проверялось комиссией Штаба.

Что будет после того, как мы останемся на плоту посреди океана? Куда нас понесет? Маурер утверждает, что на таком масштабе Смотрящие и не подумали прорисовывать группы мелких островов, рифы, мели и одинокие скалы посреди моря. Но даже если мы сможем вовремя их увидеть, даже если будет течь течением и ветром к спасительному берегу, сможет ли эта надувная лоханка доплыть до них, даже в четыре весла? Вот потому мне инстинктивно и хочется иметь наготове еще одно плавсредство, полноценное, с двигателем. Утонуть или тупо загнуться на резине не хочется. Но упаси господи произнести это при Маурере или при Сашке — сами и утопят.

Вечерело. Я уж думал, что большая часть экипажа вырубилась, — ан нет, то и дело кто-нибудь выныривал из двери, с недоумением пялился на меня, иногда подходил, смотрел какое-то время на синеву и вновь скрывался внизу.

Вот Хвостов наверху не появился ни разу. Данила весь день безвылазно сидит в машине, вернее, в тесном модуле крошечной судовой мастерской, что оборудована впритык с машинным отделением. Там же и два спальных места друг над другом, откуда Хвостов, сразу переиграв все расклады, безжалостно выгнал Кастета. Даже во сне не может слесарь бросить рабочего места, придется Сандже с ним жить. В судовой мастерской изначально имелся верстачок с тисками, вертикально-сверлильный и заточный станок. Данила умудрился встроить туда же крошечный токарно-винторезный. Все остальное пространство, включая потолок, заполнено кронштейнами, на которых закреплены самые разнообразные инструменты.

Я и сейчас слышу, как он там постукивает, конструирует что-то очередное-гениальное. Маурер, быстро осознав возможную опасность, для начала вежливо предупредил технаря не вздумать производить апгрейд судна без ведома и одобрения капитана.

Работает не покладая рук и Нионила, изредка ветер набрасывает на меня манящие запахи из камбуза. Скоро ужин, обещающий быть качественным, — мне ли не определить меню по запахам. Уху слышу. От моей помощи повариха от-

казалась, ну да это поначалу, знаю я эти вещи: в походах готовить непросто.

Погода балует, все отлично, лишь небольшое волнение чуть портит картину.

Волны с легким шипением набегают с юго-востока, невысокие, пологие. Юго-восточный пассат, так, наверное. Волны и ветер толкают «Клевер» с левой стороны, но корвет, не сомневаюсь, лежит на заданном курсе. Сашка спит в микрокубрике, не обращая внимания на неугомонного соседа, рулевой на вахтах делит время с капитаном. Третий рулевой мотобота — я. Опыт управления «Клевером» уже есть, как и у Ленни. Но будь я проклят, если шкипер во время моего дежурства не останется бдиль рядом, в лучшем случае — увалившись за моей спиной на спальник. Не доверит пока, побоится оставлять у штурвала без контроля.

В рубке вместе с Маурером сейчас находится Катрин Гийяно. Так теперь всегда должно быть — два человека на хозяйстве, и вахты на судне по двое, иначе нельзя. Рулевой вместе со шкипером постоянно занимаются наукой навигацией, Маурер с немецкой обстоятельностью отработывает классическую методику — «два лаптя правее солнышка». Ждет появления звезд, будет Катрин учить, хотя, по-моему, она уже немало знает. По крайней мере, по словам Ули, при выверках секстанта бить по рукам уже не требуется. Когда я туда заходил в последний раз, мне показалось, что муштрует он больше для самоуспокоения.

Правда, Маурер мне поведал, что и сам он таковой процесс в точности воспроизводил только по молодости, в мореходке: кому в век спутниковой навигации требовалось умение сажать светила на горизонт? Весь день Ули, сопя и расставив ноги пошире, качался всем телом, ловя в прицел своей хитромудрой штурманской приспособы коварно ускользающий солнечный диск. Ну конечно, когда на реке и берегу навыки освежал, такой океанской зыби не было.

В навигации Ули помогает радиомаяк острова Входного.

Вокруг корабля один горизонт. И больше ничего.

На вечернем небе постепенно начали зажигаться звезды, с каждой минутой все больше их, стало гораздо красивей. Дневное синее небо и синяя вода — это уже явный перебор, порой кажется, что они сливаются, и тогда становится

как-то неуютно. Увы, вечерняя красота кратковременна. Судно неуклонно идет к Северному Тропику, ночь в этих местах наваливается быстро, так что скоро вокруг будет та еще темень, лишь серебристые барашки шипящих волн и бесчисленные звезды в небе.

А вот что сейчас радист делает, интересно? Поспорив немного сам с собой, я решил, что Юрка сидит в радиорубке. Пойду проветрюсь, хоть и не хочется вставать, прилежался что-то возле «Зодиака», уютно тут. Встал — и голова закружилась: надо же, уматывает понемногу, а ведь я на качку крепок.

Сразу за капитанской рубкой с правого борта имеется странная «подсобка» с дверью овальной формы. Раньше там почему-то стояли лопаты, какие-то палки, алюминиевые швабры и металлические уголки. Это место и оттяпал себе Вотяков под судовой радиоузел. Собственно пространства в бывшей подсобке с гулькин нос — если радист сидит на рабочем месте, то уже запросто и не войдешь. Но Юрка был рад и этому, оборудовал все, неделю провозился. Представляется, что на подлодке середины прошлого века пространства у радиста, наверное, было бы побольше.

Вотяков был на месте и вел связь. Я сознательно поручил ему на первом этапе самому докладывать и успокаивать отцов-командиров: отчего-то мне совершенно не хотелось слушать голоса с далекого материка. Ничего личного, вот просто, знаете... отрезалось. Отцепился я, отвинтился, чего так просила беспокойная душа. Дайте от вас отдохнуть, начальники заботливые, дайте насладиться волей. Открыв небольшую, но тяжелую дверцу, сразу поставил ее на стопор, обеспечив себе защиту от похолодавшего к вечеру ветра.

— Ну, как там? — дежурно спросил я у маэстро.

— Связь устойчивая, — весьма довольный собой, доложил Юрий. — И с Входным есть, и с Морским Постом.

А ничего он тут устроился, капитально, образцово. Вотякова можно в дальний космос посылать: умеет он качественно организовать свой быт в ограниченном пространстве. Термос стоит, остаток бутерброда — явно к Ниониле на камбуз наведалься, хотя она и сама могла ему принести перекусон: наша заботливая мама — всеобщая любимица. И это реально греет, такая забота сразу сердцем принимается.

Поди, теперь «маркони» и на вечерний чай не вытянешь, тут самый разгар работы. А что, хорошо в радиоузле — днем оно не так клево выглядело. В наступающей темноте зеленый плафон лампы, согнутой над миниатюрным металлическим столиком, создавал почти домашний уют. Вотяков и сам всегда какой-то домашний, и вокруг себя умеет такую атмосферу создать. Ценный человек.

Подсветки приборов добавляли обстановке толику должного профессионального колорита.

— «Дункан» только сейчас ушел к Замку, прикинь, они «Нерпу» вниз спустили, Корнеев дежурит на Входном, страхует.

Разве может такая информация не обрадовать? Все спокойней становится. Ну, хоть маленько.

— А с Замком получается?

— Только пробую, антенны переключаю, отстраиваюсь.

Антенн у Вотякова — как в Останкино, каких только нет в запасе.

— Думаешь, получится?

— А? Не понял. — Радист оторвался от приборов, посмотрев на меня очень странно. — Хм... Федь, ты знаешь, какая станция была у Хейердала на «Кон-Тики»?

Я отрицательно покачал головой.

— Коротковолновый шестиваттник. Это как фонарик мощностью. И ничего, с кем только не связывались.

— На чай пойдешь? — спросил я, уже зная ответ.

— Да какой там! Сейчас Хвостов подвалит, он ротор двойного квадрата до ума доводил, полезем, поставим, покрутим. Вот и будет связь с Замком.

«А нужно ли? — отчего-то подумалось мне. — Может, посидим немножко в тишине? Отдохнем от командной суеты».

Перекинувшись с Вотяковым еще парой ничего не значащих фраз, я внезапно понял: «Тебе вот, Потапов, не хочется говорить с начальниками с Большой земли, а ты не подумал, что твои спецы не горят желанием говорить с тобой, — они до Настоящего Дела дорвались. Так что убери Око, не отсвечивай».

Осознав это, я оставил радиста в покое и направился в командный пункт.

В капитанской рубке кипела... Не, не это я хотел сказать.

Там царило Настроение. Там сверкал и блестел сам Дух Путешествия. Шкипер наконец-то снял свой парадно-венчальный китель и облачился в любимый рабочий комбинезон. Маурер светился так, что и подсветки приборов были не нужны. Катрин в этом не отставала: важно и усердно пыхтела над столом у большой бумажной карты, то и дело прикладывая к листу большущую линейку и транспортир. Вот непонятно мне, что можно прикладывать к фрагменту пустого океана? И зачем? Помню, Ули как-то мне объяснял, что основной метод кораблевождения есть счисление пути по времени, скорости и курсу. Но я благоразумно промолчал.

В помещении было темно и тепло — шкипер включил систему отопления.

Первым делом я посмотрел на прикрепленный к задней переборке листок с графиком дежурств. Такие же висят в кают-компании, в машинном отделении и в радиорубке. Все заходят и смотрят на график, хоть и помнят свое время отлично. Вот и я посмотрел: ответственное дело.

— Акул успел заметить, Тео? — спросил Ули, показав указательным пальцем на экран гидролокатора.

Общение в экспедиции происходит на русском языке, с примесями англо-немецкого в сложных случаях: в анклаве давно сложился некий пиджин. Но иногда люди переходят на другой язык. Как сейчас, например.

— Видел дельфинов, часа два назад, трех.

— Не то! Проспал ты, что ли? Только что парочка мимо проплыла. Здоровенные! А может, это и не акулы...

— А кто?

Маурер не ответил, отвел взгляд к экранам.

Я тоже посмотрел на приборы, и прежде всего на жидкокристаллический монитор корабельной РЛС. Чисто машинально глянул в наивной надежде хоть что-то увидеть, засечь какой-либо объект. Нет ничего, никаких засветок. Пусто в океане.

— Как идем, дружище?

— Лучше, чем я ожидал, Тео. Если волна не поднимется, то завтра к полудню подойдем к островам.

Вот это хорошие новости!

Стемнело конкретно. В темноте рубки — лишь слабая подсветка приборов, а мне отчего-то хотелось влупить на

всю мощь курсовые и бортовые прожектора, чтобы увидеть все то необычное, что может оказаться на пути судна. В скошенном ветровом стекле, не дающем во время дождя или шторма потокам воды исказить обозреваемое, главенствовала серая башенка пулемета «максим». Видавший виды боевой агрегат покачивал толстым зачехленным стволом вместе с судном, выискивая впереди вероятную цель.

— Течение немного отжимает «Клевер» к западу, постоянно приходится корректировать, — посетовал Ули, тоже глядя вперед.

Какое-то время мы с напряженным вниманием следили за почти исчезнувшим горизонтом впереди. Баста, ночь на дворе. А двор наш теперь — водный мир... Море опять разыгралось, юго-восточный пассат сменился восточным, беспорядочные волны раскачивали корвет, чувствовалось, что следовать курсу становится все трудней.

— На вечерний час пойдете? Я подежурю.

— Сюда принесут, — отрезал Маурер. — Не до ужина, Тео, сам видишь...

Мелкие брызги начали перелетать через судно.

Набегающие волны то поднимали, то опускали корвет, пока что мягко, даже бережно. Гребни волн не столько валились на судно, сколько боролись между собой, в итоге некоторые поднимались выше, эти злились, шипели, разбрасывая серебристую пену.

Шкипер сдернул с верхнего крепления коробочку микрофона.

— Внимание, экипаж!

Судно буквально нашпиговали точками внутрикорабельной связи, терминалы есть повсюду, даже на палубе две штуки — один в башне ДШК, другой у «максимки». Открывай гермолючок, цепляй гарнитуру — и переговаривайся.

— Ветер поменялся, волнение усилилось. Будет болтать, но несильно. Принять меры безопасности! Рейс проходит нормально, все узлы и агрегаты работают исправно. Завтра подойдем к островам. Расчетное время — полдень.

Не слишком ли шкипер самоуверен? Под ударами волн «Клевер» явно снизил скорость. Заметив мой скепсис, Ули вновь взял микрофон.

— Машина, как режим? — грозно спросил альфа.

— Агрегаты в норме, работают как часы! — гордо заявил Хвостов.

— Хорошо, прибавляем, — откликнулся Маурер и добавил оборотов.

Ну что ж, первые трудности...

Из Волги мы выкатились словно с горки съехали — курортная прогулка вышла, а не проход по реке. Могучая артерия, добавив честные четыре километра в час к скорости судна, аккуратно, но быстро вытолкнула своих воспитанников в залив — плывите, деточки... У Двух Лошадей «Клевера» встретил «Стерегающий», лихо и весело проводил экспедицию до самого устья. Там эстафету перехватил Эдгар.

— Щас пальнет, — уверенно заявил Гоблин, глядя в бинокль, и не ошибся.

На вершине высокой скалы залпом вспыхнули три дымных облачка, секунда — и грохот береговой батареи проводил нас в дальний путь. Не снижая скорости, прошли мимо острова Входного, попрощавшись сиреной с последним клочком родной земли. Огромный конус выноса могучей реки течением отгибало вдоль берега, разница в цвете воды была заметна отлично. Миля (не могу привыкнуть к милям, километры привычней), граница цветов, и мы в море. И почти сразу вокруг судна заплесали золотые макрели, которые, впрочем, скоро исчезли, а если смотреть с борта, то под солнцем были заметны и несколько рыбок-лоцманов, правда, «рыбками» их можно назвать лишь с большой натяжкой. Я всегда считал, что эти крохоборы, кроме акул, могут сопровождать лишь небольшие лодки и катера, принимая их за особо крутую акулу. Но чтобы целый пароход... Впрочем, для рыбы-лоцмана длиной сантиметров восемьдесят такое судно — что лодочка из прошлого мира.

«Дункан» ждал. Суда замедлили скорость, встали рядом, всего метра три между бортами, и вместе пошли на юг. Капитаны высунулись в боковые форточки и переговаривались о всяком разном. Чувствовалось, что Коломийцев завидует. Старому капитану до дрожи хотелось встать рядом и помчаться туда, где над лагуной под сенью большой горы стоит спасительная прохлада, запах бамбука и сухих пальмовых листьев встречает тебя в хижине, а чистая лазурь соседствует

с белоснежным песком... Все это понимали, но никто не мог помочь дяде Вове. Кому-то нужно беречь Отчизну.

Потом шкиперы начали перекачку топлива, «Дункан» перегонял литры, компенсируя расход, — хорошее дело. Прошло совсем немного времени, и мы опять были под завязочку.

С мужиками попросались быстро, по-настоящему устав рвать нити...

Пора чай пить, Потапов.

Выйдя из рубки, я посмотрел за корму. Большая Медведица, как и положено, висела над горизонтом к северу, а вот и Малая, ага... И Полярка родненькая! Не удержавшись, я помахал рукой подруге.

Слева вспыхнуло желтое световое пятно распахнувшейся настежь двери, на палубу вылетел Гоблин, покачал передо мной указательным пальцем и молча устремился к корме. Понятное дело, знакомое. Туалет на судне один, а про его размеры я говорить ничего не буду, вы уже поняли. Вот мы с мужиками и положили промеж себя: по возможности пользоваться кормовым пространством.

С непривычки и без должной сноровки такая процедура даже в штиль непроста, а уж при волнении... Подобные операции с главным калибром в окружении волн, холодных брызг и шелестящего рева работающих за кормой винтов «Клевера» чреватые неожиданным падежом через леера. Во избежание и для предупреждения всем мужикам строго-настрого предписано перед началом действия пристегивать к поясу страховочный линь с карабинами, способными выдержать подъем тяжелого джипа.

Ну-ка, ну-ка... Гоблин пристегнулся! Мишка Сомов, которому в принципе плевать на ТБ! Пристегнулся как миленький! Оно и понятно, главный калибр — это, конечно, ценно и свято, но если уж перекинешься, — до дна ты им все едино не достанешь и, словно винтом, не помашешь. Не поможет. А разворачивать судно в темноте, искать в темной страшной воде под лучами ксеноновых прожекторов... Еще ведь заметить вовремя надо.

Так что тут ТБ рулит. Дай волю шкиперу — так он вообще заставил бы всех пристегиваться к «лонже» сразу после вы-

хода на палубу. Пока страхуемся только в опасных местах, такие есть, в них и закреплены тросы страховки.

Наверное, настоящие моряки так себя не ведут. В смысле, временами панически. Настоящие моряки враскачку бегают по палубам, весело напевая сквозь сжатые зубы и ленты бескозырок бессмертное «Яблочко». Но у меня таких нет, извините. Даже Ули Маурера нельзя пока назвать настоящим морским волком. Вот речным — пожалуйста. Мы только привыкаем, учимся сосуществовать с великим Океаном.

Закончив дело, Гоб подошел ко мне:

— Маурер по СПУ сообщал, что акулы были. Видел?

— Видел дельфинов.

— Жаль, погода не того. Постоял бы на палубе, покараулил, — никак не уймется мужик.

— Как там с чаем, Миш?

— Так все готово, пошли! Девки заждались.

В кают-компания собрался народ.

Здесь нет Вотякова с Данилой, которые работают на антеннах, Сашок спокойно спит в ожидании своей вахты да Маурер с Катрин рулят в рубке.

Голодными едоков назвать было трудно: бледные лица присутствующих индицировали невысокий уровень аппетита. Но Пavidла (ох ты, назвал-таки!) свое дело знает, на столе ничего тяжелого и жирного. Кисленькое, жиденькое. Экипаж налегал (если можно так сказать) на чай с лимонами и овсяным печеньем, кто-то пробовал бутерброды с маринованными помидорками и огурчиками. Сев рядом с обманчиво выпавшейся Ленкой, я посмотрел на ее фруктовую кашу, не возбудился. Перед Кастетом и Ольгой стояли тарелки с ушицей: солидная семья и ужинает солидно. Остальным это было не по силам, даже легкие слоеные пирожки с джемом размером с мизинец, истинный шедевр, произведенный в скупых условиях камбуза. Я тоже уху не буду есть — как-то не до нее.

— Напрасно от ушицы отказываешься, Федя, морское морским и лечат, — уверенно научила меня Ольга. Как и все «кордоньеры», она всегда основательна, но иногда занудна.

Света Туголукова еле заметно усмехнулась, промолчала, что мне понравилось. Очень важно, как ребята будут притираться друг к другу.

Нионила заботливой хозяйкой смотрела на вялых едоков.

— Ничего, ребятки мои, утром холодненькую поедите, холодная уха со щавелем да с травками даже вкусней будет.

— Мама Нила, да вы не смотрите на них, я вот у вас еще и добавки попрошу! — смело заявила Лунева.

Повариха, мягко вздохнув, села на краешек возле стола, но почти сразу подхватилась:

— Что ж сижу-то! Надо в рубку горячего отнести! Да и ребяткам на улице, замерзнут с этими антеннами...

Костя торопливо встал:

— Нионила, давай сообща. Качает на палубе, помогу.

И они вместе ушли на камбуз за алюминиевыми судками, которые при переноске ставят пирамидкой. Кастетова уха осталась остывать на столе — ай грамотно ушел пацан! И не докопаешься: Ниониле и вправду помочь надо.

Народ настроен на ударную работу. Хорошо тем, у кого она уже есть. Остальным придется ждать прибытия. А вот у таких, как Хвостов, работа всегда при себе имеется. Это основная причина, по которой его и включили в список личного состава «Беринга». Технарей в анклав и кроме него достаточно, в том числе среди немцев. Но только Хвостов способен работать с металлом днями и ночами, это у техника-суперслесаря в крови, образ жизни — постоянно что-то ищет и находит, изобретает и улучшает. И фронт работ он себе подготовил заранее.

Вот, к примеру, транспортные средства и иная техника, имеющаяся на борту.

Что мы имеем. Имеем мой верный «Круизер» XV1900A Midnight Star и легкий квадроцикл ATV — отличная альтернатива долгим пешим разведывательным выходам по лесам, болотам, или что там нас ждет, в поисках людей или ништяков. Две большие RIB-лодки «Зодиак», одна стоит наверху, ее вопросом я уже шкиперу плешь проел, вторая — в трюме, со спущенными бортами. Там же в собранном виде хранятся и летательные аппараты экспедиции: мотодельтаплан и простой дельтаплан, свободного, так сказать, парения — оба аппарата есть хозяйство Катрин Гийяно, которой может помогать Zicke. Кроме всего вышеперечисленного имеется небольшой наблюдательный воздушный шар с камерой, оснащенной

механической и цифровой системами стабилизации. Здесь у Юрика опыт невелик, понятно лишь, что буксировать его бесполезно. Наши на Волге пробовали — не годится такой метод для съемки местности. Казалось бы, все. Остальное я должен добывать по прибытии, сам, через канал. А лимит веса там копеечный, да и габариты панели не внушают надежды на возможность переброса хоть сколько-то серьезной техники. Разве что скутеры...

Но у Хвостова в трюме припрятано еще кое-что.

Для начала он выторговал у снабженцев запасной двигатель к квадр. Только под шумок взял модельку помощнее. Потом набрал узлов подвески, якобы «запасную» резину, все по капельке, по ниточке. Не успели мы и глазом моргнуть, как в трюме осели особым образом гнутые стальные и титановые трубы... В итоге Хвостов сразу после прибытия готов начать сборку «боевого багги», в чем его сразу же поддержали Кастет с Гоблином, активно и умело помогавшие мастеру выбивать, уводить из-под носа и надежно прятать. Мужики даже помогали ему вычерчивать проект. Впереди перед правым сиденьем будет стоять универсальная турель под любое из имеющихся огневых средств, а позади по бортам в специальных тубусах — личное оружие.

Открылась дверь, и в кают-компанию вошли Нионила с Кастетом. Хозяйка сразу же направилась к себе, а Костя, не страшивая плащ-палатки, чтобы не окроплять солеными брызгами присутствующих, осторожно повесил ее на крючок и возбужденно сказал:

— Затихает уже, налаживается погода. Но темно, как в...

— Сюда не захотели пойти? — спросил Гоблин.

— Залезли в радиорубку, что-то обсуждают, не вытащишь. Худые оба, помещаются, — снисходительно молвил Лунев, сам меньше всего похожий на амбала.

Казалось бы, очевидное решение поставить пост радиозула в ходовой рубке Вотяков отверг сразу же: каждый радист хочет иметь свой уголок, где его никто не дергает и не дает ценных советов. И не мешает спокойно перекусывать, когда захочется. Других радистов я в своей жизни не встречал.

Вялая трапеза уже подходила к концу, когда после тихого

предупреждающего щелчка проснулся динамик внутрисудовой связи:

— Внимание! Командиру экспедиции и сталкерам срочно подняться в ходовую рубку! Повторяю, командиру...

Я уже не слушал, вылетая наружу без всяких плащ-палаток, а за мной, едва не снося все со стола, ломанулись сталкеры.

— Всем сидеть здесь, не дергаться, — успел проорать Кастет, — сообщим!

Секунды — и мы оказались в рубке. Там сразу стало тесно и душно. Шкипер, не оборачиваясь, махнул нам рукой. Катрин на наше появление вообще никак не отреагировала, стояла с левой стороны и неотрывно смотрела на экран РЛС.

— Что случилось?

— Объект на радаре, двести восемьдесят три градуса!

— Опознаватель? — спросил Гоблин.

Ули отрицательно покачал головой — значит, программа локатора появившийся объект идентифицировать не смогла. Мы втроем впились в монитор.

— Ничего не вижу! — Кастет протер глаза.

— Не понял...

— Смотри внимательно, сталкер! — нервно бросил шкипер. — И увидишь!

Шли секунды, но бледно-зеленый экран был чист. Дико смотреть на это. Всегда, где бы мы ни плыли, на экране были берега. Пусть пустые, пусть порой безжизненные, но луч РЛС их «хватал», отображал, прорисовывал. Здесь же ничего не было, пустота вокруг, космос.

Что это? Есть засветка!

— Удаление семь с небольшим миль, — прокомментировал Маурер. — Сейчас исчезнет.

И точно, засветка исчезла с экрана так же внезапно, как и появилась. Неудивительно, что программа не захотела ставить над ней «птичку» с кодами и цифрами.

— Ули, давай в километрах, не время в башке каждый раз пересчитывать, не та ситуация, — попросил Костя.

— Хорошо. Что делать будем?

— Есть динамика в движении цели? — спросил я.

— В том-то и дело! — поднял руку шкипер. — Постепенно

приближается к нам, с каждым появлением на милю. Наперез идет. Шаг непонятен, системы не вижу.

— Это не киты, — заявил Гоблин.

Он прав. В первом морском путешествии «Клевера» вы видели местных китов. Они плыли мимо на очень далеком расстоянии, проходя тихо и мощно, как атомные подводные лодки. Разница — выбрасываемые время от времени в воздух огромные фонтаны воды, по которым довольно легко можно было понять и предсказать периодичность появления этих чудовищ на поверхности. Здесь такая периодичность, как я успел понять, отмечена не была.

— А кто? — справедливо поинтересовался Кастет.

Маурер молчал.

— Это гига-антский кра-кен! — распевно и задушевно, словно исполняя фрагмент песенки, разъяснила сложную ситуацию Катрин, поднимая к глазам ПНВ. — Мне шкипер уже сказал.

Проклятье! Опять начинаются фантазии?

— Ули!

— А что еще, Тео! — заорал шкипер. — Что я должен думать!

Опять возникла пауза.

— Так, братва, двинул-ка я к ДШК, пока не поздно, — решил Гоблин. — Ща реальная круть начнется.

— А я за «Ударом», — определился Кастет. — Броники берем, командир?

Я отрицательно качнул головой: какие бронники, лишь помешают...

— На турель не вставай, работать будешь из рубки. Или из-за надстройки.

— Почему, командир?

— Потому что снесет тебя к хренам! — заорал я, вспомнив памятную встречу на Ганге с гарудами. Даже глаз не прикрывал, и так картинка встала передо мной как наяву: развернув крылья в торможении, гаруда, растопырив страшные серые лапы, буквально вынесла Никлауса с палубы, аж пулемет провернулся на турели... Ох...

Кастет зло хрюкнул, но смолчал. Оба быстро исчезли за дверью.

— В «ночник» что-то видно? — спросил я без надежды.

— На таком расстоянии ноктовизор бесполезен, — вздохнул шкипер. — Но Катрин постоянно смотрит, на всякий случай.

— Ясно. Вызывай сюда Ленни с двумя наголовными ПНВ, парой «калашниковых» и гранатами. Приборы пусть разнесет по башням, сама с личным оружием останется в рубке. И вы готовьтесь.

Как шкипер согласно качал головой, я уже почти не видел, выходя наружу.

Могу сказать точно: я никогда не испытывал столь странной разновидности страха, как в эти минуты. Башенка у «максимки» маленькая, защитные щитки невелики. Прикрывают, конечно, но чувства реальной защищенности нет. Особенно защищенности от Неизвестного. Интересно, как там Гоблин себя чувствует? Поди, поуютней ему возле широких щитков «большой пушки»... Зябко что-то. Наверное, это не от страха, наверное, это от холода. Свитерок теплый не помешал бы, конечно, но сейчас уже поздно об этом думать.

— Объект ближе... пять километров, — подумав, сообщил нам шкипер по СПУ. — Ленни пошла к вам с приборами, встречайте.

Я привстал с холодного сиденья и огляделся. Сюрреализм окружающего пространства ушибал не меньше, чем ожидаемая встреча с монстром.

Оказавшись ночью один-одинешенек в этой суррогатной пулеметной башенке, слабо раскачивающейся на носу стремящегося на юг судна, на самом острие чужой атаки, я внезапно оказался словно в центре Мироздания, вокруг меня подрагивала беспроглядная тьма и мириады ярких звезд над головой. Лунный свет придавал несущемуся вперед мотоботу мистический, призрачный вид... Темные контуры бортов, чуть освещаемые отблесками навигационных огней, серебро каскадов мелких брызг, попавших в лучи света...

И расчехленный пулемет, готовый к бою с черт знает кем! Или чем.

С Zicke мы даже не разговаривали, лишь торопливо поцеловались среди железа, прощаясь, порывисто пожали руки.

— Держись, Dude.

Беги давай... звездочка моя. Прячься.

— Проверочный выстрел, — предупредил я в микрофон.
«Максим» коротко стукнул прямо по курсу, потом еще раз — пусть машина чуть прогреется. Вновь сел, устраиваясь поудобней и разворачивая башню навстречу «объекту».

За спиной в ответ младшему брату гулко простучал ДШК: Гоблин тоже готов.

— Костя тоже в рубке! Мы готовы, Тео, — хрипло сообщил Маурер. — Засветка, дистанция два километра, курс двести сорок, скорость пятьдесят два километра в час.

И опять пошло время ожидания.

Я представил... Где-то там впереди вместо пусть и нереально огромной, но понятной и вполне принимаемой разумом животины вроде синего кита нам наперерез спешит нечто ужасное. Оно периодически выныривает из глубины на поверхность, тарашит безжизненные желтые глаза в стремлении увидеть: что там с маленьким наглым корабликом, бесстрашно плывущим посреди Океана, не сожрал ли кто раньше?

Что же, посмотрим на все другими глазами. Я надел на голову прогретый ПНВ, пора.

Мир вокруг меня сразу стал зеленым. И в этом зеленом, как в современной киностудии, можно было рисовать на подложке что угодно — гигантские подлодки и космические корабли пришельцев, любимых шкипером кракенов, Чужих из Бездны, черта и дьявола. Все, кроме доброго.

Проклятье, ничего не различить! В прибор мне была видна только постоянно бликующая и хаотично искрящая мешанина, так никаких деталей не рассмотреть. Мешают высокая влажность, волнение океана, игры тепловых потоков воздуха над поверхностью. Это не для моря.

Фр-р-р-р! Над палубой взлетела и пронеслась стая больших летучих рыб, блеснувшая чешуей в свете фонарей. Так и инфаркт...

— Проходит! Внимание! — заорал шкипер в наушниках.

Не вижу так, не годится! В урну этот ПНВ!

Бонц! Наверное, мне показалось, что все ксеноновые прожектора «Клевера» вспыхнули с каким-то громким звуком. Я сбросил очки на грудь. Пространство вокруг было залито ярким электрическим светом. Руки тряслись на гашетке.

— Кто видит?! — это Гоблин. — Федя, мля!

— Не вижу!

— Идет! — это шкипер.

Ох, правильно я не разрешил Косте стоять на палубе.

— Разворот орудий! — Маурер заревел что твой Нельсон.

Я торопливо развернул ствол направо, ловя возможную цель. А ее все не было!

И тут я ногами почувствовал легкую дрожь металла палубы!

Весь «Клевер» затрясло в мелкой вибрации, возникшей от прохождения под днищем мотобота чего-то действительно огромного, ужасного. И при этом скоростного, способного взбаламутить огромные массы черной океанской воды в пену, на грани кавитации. Судно даже чуть подняло валом вздыбившейся водной массы, на пару секунд надсадно завыли винты, вынужденные молотить ночной воздух.

Живой или неживой ужас.

— Ушел!

Неведомое чудовище пронеслось под нами — Хозяин глубин Платформы! Не тронуло. Ему мы неинтересны.

— Не стрелять, парни! Огня не открывать! — крикнул я торопливо.

Тебя не укусили — и ты не кусайся, закон тайги.

Запомните это, люди, и всегда дойдете до конечной цели. Через любые дебри.

Кто это был? Да какая разница... Теперь и навсегда это чудовище станет кракеном имени Ули Маурера.

— Отбой! — скомандовал я. — Все в рубку, пулеметы забрызгиваем баллистом и чехлим. Чистить по свету будем.

Стоя у правого леера, я и не подумал, что надо бы отойти туда, где можно пристегнуться. Темная вода теперь казалась мне вполне приветливой и дружелюбной. После такой встречи, знаете ли, все прочее окружающее кажется дружелюбным.

Где тут мой главный калибр спрятался? Пока не поздно...

Проснулся я сам, тревожным рывком открыв глаза. Девять часов! Как так, а вахта! Не успев толком прийти в себя, я пролетел двухметровым коридорчиком к кают-компаниям.

— Ули велел тебя не будить, — тут же успокоила меня Ziske. — Не бледней, чувак, все нормально.

Я сел на скамью. Сердце стучало в груди молотком.

Рядом клевали носами Гоблин с Кастетом, тоже заспанные. А где все остальные?

— Санджа у штурвала. С ним Хвостов, учится, — сообщил Костя, угадав мысли. — Он уже и пулеметы почистил, хоть бутылку ставь. Юра спит: радист в последнюю смену со шкипером был.

Ага, ага... Но как же так! Вот Маурер... решил меня не будить, никому не доверил. Однако удивиться такому решению невозможно, я бы тоже на его месте сам в рубке остался.

— Все, чуваки, я пошла, не шалите тут, — пальчиком погрозила Ленни, быстро вставая из-за стола и хватая плотно набитую холщовую сумку, хиппанскую, с рюшами — Эдгар подогнал. — Как условились, парни, никому на палубу не выходить!

И выскользнула наружу.

— А где девчата? — удивился я.

— Бабы на палубе, аэробикой заниматься будут, — плотоядно облизнулся Сомов. — В бикинях. Это у них зарядка такая. А зрителей в кинозал не пускают.

С левой стороны по ходу движения «Клевера» в круглые окна кают-компания заглядывало ласковое утреннее солнышко. Хорошо-то как, Федя! Никакой качки, лишь легкое дрожание корпуса судна. Я прилип носом к стеклу. За стеклом мимо меня гладко и ровно проплывало синее море. Почти штиль, поверхность слегка серебрится частой рябью.

— А у нас какая зарядка будет, придумали, бойцы?

Гоблин с готовностью заржал.

— Ща умнем в пузо побольше, тогда и подумаем, — легко выкрутился он. — Хотя покачаться можно, а то растолстеем с такой жизнью.

Наверху заиграла диско-музыка, легко затопали ноги.

— Хорошо Хвостову.

В кают-компанию вплыла Пavidла, свеженькая, плотненькая, вся в хорошем настроении и запахах чуть поджаренной муки и ванили.

— С добрым утром, мальчики! Что будем есть?

Я тут же переправил вопрос внутрь себя и сразу получил ответ: да, и еще раз да! Но озвучить его не успел.

— Все! — заторопился Лунев. — Все, что дашь, повидло ты сладкое!

— Тогда я вам бульончик с тертым сыром и гренокками, яичек с бекончиком, побольше положу, маслиночек с тунцом, чтобы язычок посолонить, и кофейку заварного со сливками, булочки сладкие. Уху-то девчата с утра всю выпили... Пойдет? И соку яблочного.

Мы синхронно замычали, сглатывая обильные слюни. Так и молчали дальше, налегая на разложенное по тарелкам. Завтрак неожиданно затягивался.

Наверху заиграла старая добрая песенка «Бони-М» «Oceans of fantasy».

Нормально, вполне к месту.

Скорее пришли уставшие девчата, почти резво пробежали мимо, торопясь к душевой кабинке. Ну, вот теперь и нам можно выйти за ворота. Что и сделали, захватив с собой булочки с ванилью и стаканы с соком.

Вокруг был Рай.

Среди сувенирных видов сразу забылись все вчерашние страхи. Мало ли что пролетело мимо темной штормовой ночью... Привыкать надо, мы тут всего лишь гости. Неукушенные, и то хорошо.

Из громкоговорителей лилась тихая музыка — тропический круиз, да и только.

Опять возле бортов стали появляться золотые макрели, в принципе можно заняться силовым фишхантингом, спиннинги, как и мощные морские катушки, имеются.

Летучие рыбы серебристыми молниями то и дело взмывали в воздух, улетая далеко вперед, как правило, метров на семьдесят, а по ветру гораздо дальше — хорошо разгоняются в воде, сильные создания. Здесь они традиционно крупней староземных «летучек», в длину под восемьдесят сантиметров, пожалуй. Точно замерить не получалось, даже в редких перелетах через палубу «Клевера» никто из стаи ни разу не воткнулся в препятствие. Гоблин еще вчера переживал, а сегодня не выдержал, сразу же побежал к радиорубке, желая выпросить у радиста кусок трубы. Вспомнив, что тот еще спит, а калитка наверняка закрыта, он развер-

нулся в сторону машинного и вскоре появился на палубе с отрезком уголка.

— Эх, сачок бы мне покрепче, — мечтательно сказал Сомов и сел в засаду возле ДШК.

Какое-то время мы с Костей с удовольствием наблюдали за гигантскими прыжками машущего длинной дубиной Гоблина, который, впрочем, вскоре выдохся, упав рядом с нами.

— Я хоть размялся, — буркнул он. — Не то что вы, жировики.

Разминаться мне совершенно не хотелось. Хотелось сидеть без движения и впитывать окружающую красоту.

Через полчаса прилетел огромный фрегат, я его сразу узнал — видел в Доминикане. Огромная птица-пират с размахом крыльев далеко за три метра очень удивилась встрече; паря, фрегат завис над нами и начал ходить кругами, практически не шевеля крыльями. Все с детства помнят, что морякам в заморских странах всегда нравилось любоваться фрегатами. Вот и нам наблюдать бесшумный полет было по кайфу. Красавец!

А потом с юга появились два больших глупыша и низко пролетели над надстройкой. Тоже здоровенные. Полетав немного, птицы ушли далеко вперед и там сели на воду, дожидаясь, когда «Клевер» пройдет мимо. Это уже признак близости земли.

— Командиру экспедиции пройти в рубку! — проревел динамик голосом Хвостова.

И опять полилась музыка — значит, все спокойно. Но мы пошли все.

— Смотри, Тео! — Сашка показал вперед.

Я взял бинокль и хорошо разглядел неподвижное облако, висевшее на небе там, где...

— Cumulonimbus¹, — со знанием дела важно пояснил Санджа. — Там наши острова, Тео, там, облако зависает прямо над самым крупным.

Вид у рулевого был настолько важным и значительным, что стало ясно — скоро его просто так по плечу не похлопаешь. Речной цыган стал морским.

¹ Кучево-дождевые облака (лат.).

— Будем шкипера будить, поднимайте, — предвосхитил я предложение Сашки, — пока позавтракает...

Молодец, Ули, это круто, он практически не ошибся. Может, к архипелагу подойдем чуть позже, а так — да, полдень. На распечатанной карте — группа безымянных островов в три кусочка суши, пока без названия. На карте видно три штуки: один побольше, два поменьше. Точный размер сказать затруднительно, Маурер считает, что наибольший имеет в длину не менее двух километров, а в поперечнике не более восьми сотен метров. Он же уверен, что островков-сателлитов больше, чем указано на карте, ибо такая картографическая мелочь Смотрящих не интересовала. Короче, звать его надо.

Шкипер долго очухиваться не стал, примчался быстро. За ним спешила Нионила с судочками и приборами.

— Есть засветка на радаре? — прохрипел он нетерпеливо, сразу хватая бинокль.

— Только что появилась! — доложил рулевой.

На спокойной воде «Фуруна» взяла далекий берег на пределе рабочей дальности, до цели семьдесят километров, уже чуть меньше. На палубе быстро собрался весь экипаж «Клевера», кроме Хвостова, который тут же свалил к себе, — чего тут пока смотреть, и поважней дела найдутся...

— В Штаб докладываем? — прихлебывая, тихо спросил меня взъерошенный Вотяков, которому «наша мама» только что сунула в руки стаканчик с горячим кофе.

Я подумал. С одной стороны, результата пока нет. С другой — если что-то случится, то наши достоверно будут знать, где искать.

— Докладывай. Только без фанфар.

Зато на палубе победные фанфары и литавры гремели во всю. Улыбающийся шкипер с показным спокойствием вышел к народу, довольно принимая поздравления. Картину смазал Кастет, неожиданно вклинившийся с надоевшим:

— Капитан, елки, ну, теперь-то можно подвесник ставить? К островам хорошо бы на двух судах подходить. И обзор лучше. Мы с Гобом пулеметик возьмем, да и...

— Доставайте! — благодушно кивнул альфа. — Можно.

— Ой, мальчики, подождите, мне тоже кое-что из трюма вынуть надобно. Сейчас я, собачку возьму, пусть подышит.

Я зашел вслед за шкипером в рубку, решив посмотреть на приборы и карту. Пока видно всего два острова, остальные прячутся в их тени. А дна нет, глубоко под нами... Ребята суетились позади пристройки, открывая люк первого грузового трюма. Быстро там не управишься, подвесной мотор лежит в глубине отсека.

Отлично, скоро мы будем с двумя судами. Может, и второй RIB накачать? Флотилия...

И тут что-то изменилось в обстановке.

В трюме глухо залаял Боцман, вскрикнула Нионила, потом заорал Гоблин, народ возле люка загудел, забегал.

— Что там? — обеспокоенно повернулся ко мне Ули.

— Сейчас гляну, — бросил я, вываливаясь в правую дверь.

Экипаж стоял перед темным проемом и напряженно смотрел вниз. Там громыхал голос Сомова и вскрикивала Нионила. Что-то упало. Да что такое-то! Я подошел ближе в тот момент, когда Кастет нетерпеливо scomандовал другу:

— Да вытаскивай, Гоб!

— Лезь давай, — подтолкнули кого-то снизу. — Чего раскорячился?

Почти сразу же на краю люка показалась голова Мишки в кепоне песочного цвета, а вслед за ней сильные руки сталкера вытолкнули на свет божий шуплую фигурку.

— Ты кто, бесенок? — зловеще поинтересовался Кастет в наступившей тишине. — Ты ваще как тут оказался, а, хлопчег?

— Отошли от ребенка! — рявкнула Туголукова, расталкивая народ руками. Она решительно подошла и крепко обняла пацана за плечи. — Не бойся, мальчик, они не тронут, я обещаю. Они только с виду страшные...

— Голодный же, поди! — запричитала вылезшая из люка Пavidла, не забывая держать ожившего пса на коротком поводке. — Бедненький, в самом углу сидел.

В смятении я оглянулся на дальние острова. Полный не-реал. Заяц неизгоним, приплыли.

— На оборудование мочился, поросенок? — прошипел Костя.

— Что вы, дяденька, у меня бутылка пластиковая, —

шмыгнул сопливым носом юный искатель приключений. — Завинчивающаяся. Я с понятиями...

— Лунев, прекратите! — возвысила голос врачаха. Остальные женщины обступили пацаненка, решительно показывая нам: «Только троньте!»

— Да кто ты такой, что с понятиями! — не успокоился Гоблин.

Настало время мне выйти вперед.

— Кто-кто... Записывайте, — обреченно вымолвил я. — Данька Сухов, белорус, четырнадцать лет, оболтус. И тринадцатый, что теперь делать, член экспедиции «Беринг».

ГЛАВА 2

Острова в океане. Первые открытия, встречи и находки

Архипелаг так и прозвали — «Полуденные острова», в память о прозорливости шкипера. Как и предполагали, их оказалось больше чем три.

На подходе «Клевер» прошел к югу вдоль западного берега основного, самого крупного острова архипелага, ровно настолько, чтобы локатор успел схватить «картинку» с этого ракурса, отобразить ее на экране. После чего шкипер сразу повернул назад: будем заходить в бухту главного острова, это в Штабе решили заранее, глядя на сканы с глобуса Смотрящих.

Пока мы по факту имеем здесь пять осколков суши: за «старшим» к югу тянется целый тандем — скала приличных размеров, а за ним две мрачные скальные глыбы поменьше, торчащие из воды, как клыки. И легли они на временную, черновую схему как «Клыки»: первое впечатление почти всегда самое точное. Западная часть главного острова была неприветлива. Обрывистые берега в тех местах, где их суровости не сглаживала береговая зелень, выглядели мрачно. Море же вокруг этих островов и скал вулканического происхождения было прозрачно и безусловно прекрасно своей дикой красотой.

За кормой «Клевера» осталась еще одна скала — первый островок, который мы встретили. Площадью он был, пожа-

луй, в полтора гектара, берега обрывистые. На первый взгляд подняться наверх без проблем здесь практически негде, надо постараться. Бесполезный для нас объект, которого нет на карте Писателей.

Островок хоть и маленький, но необыкновенно красивый. «Клевер» причалил в крошечной бухточке, защищенной от прибоя, и народ с наслаждением спрыгнул на твердую землю. Ребята погуляли по песку узкого пляжа, где не было ни метра чистого от выброшенных на берег водорослей, полазили по скалам. Кастет сбегал наверх, осмотрел, сделал снимки, наскоро зарисовал контур площадки. Доклад сталкера был короток: по периметру островок можно обойти минут за пять, с внимательным осмотром. Деревьев нет совсем, в одном месте торчит клочок кустарника, немало птичьих гнезд. Наверху — разноцветные каменные россыпи с прожилками мрамора. Высота островной площадки большая, наверху имеются ванны с пресной водой, куда не долетают брызги соленой воды, — теплая, днем ванны нагреваются на солнце.

— Да нормальный подъем! Кто угодно сможет, если оглядеться и осторожноенько... Людей тут не было, никаких следов. Однако островок как бы готов к приему, — поделился соображениями Костя, отдавая камеру Катрин. — Вода пресная есть, еда на первое время. Так что, если кому крепко не повезет...

— Вот уж не хотелось бы, — передернула плечами Zicke. С южной стороны островка доносился мерный рокот прибоя. Это остров-Папа гудит недовольно. Ждет нас.

Идем, идем... Так на схеме появился остров Лунева.

К главному острову Маурер подходил не торопясь, держа судно в полукилометре от берега. В проливе было заметное приливное течение. Южный мыс большого острова сплошной скалой возвышался чуть дальше к востоку. Перед мысом тянулся невысокий каменистый берег, поросший елью, чем-то похожей на аянскую, внизу — навалы гигантских камней с пенным кружевом у подножий. Потом пошли гладкие облизанные «лбы», их волна порой захлестывала полностью.

— Дно поймали! — крикнул из рубки Сашка.

Я поднялся на ходовой мостик, глянул. В этом месте ост-

ровная отмель круто обрывается, переходя в настоящую пропасть, опускающуюся на километр в темную бездну океана. На краю этой океанской бездны и возвышаются вершины подводных гор, образующих острова, поднимающиеся над лазурной поверхностью. Говорят, в таких местах есть все условия для дайвинга, на гребне обрыва кого только не встретишь. Не уверен, что хотел бы подайверить в океане, принимая во внимание размеры местной морской животинки.

— Ближе подхожу! — объявил по громкой связи Маурер. — Пойдем вдоль берега.

— Всем удвоить внимание! — скомандовал и я, уже стоя на носу с правого борта.

Наблюдателей на палубе, кроме меня, трое: Ленни, Катрин и Кастет, все с биноклями, а у Кости еще и «тепловик». Сомов сидит на месте оператора ДШК, так что подходим мы наготове, во всеоружии. Как-то неуютно мне от нашей предвзятой агрессивности. «Максим» тоже заряжен — если что, Кастет мигом окажется в носовой башенке. Общий вид мирных южных островов пока никак не соответствовал таким приготовлениям... Всех остальных я с палубы согнал. Раздраженные девчата теперь смотрят за берегом в иллюминаторы кают-компании, Нионила готовит ужин. Вы уже и сами знаете, где в это время находится Хвостов, а Данька Сухов, юный безбилетник и аферист, нарвался на реально крупный штраф: смиренно и тщательно драит и драит все помещения «Клевера», поочередно... А что с ним теперь делать, будем воспитывать, лепить из сырца что-то стоящее. Экстренно созванное совещание было коротким: топить не хочется, а вернуть пацана назад совершенно невозможно, все правильно рассчитал, подлец.

Перелетев из родного Гомеля на Платформу вместе с дедом в качестве потеряшек первой волны, Данька обосновался в Медовом, где маленькая семья успешно занималась бортничеством. Но дед не так давно умер, и внук закономерно угодил в интернат. Я его запомнил еще с полевых скаутских курсов, где мне довелось вести у ребятни занятия по «индейской жизни» в лесу. Настойчивый, с отличной «физикой», смысленый и порой дерзкий паренек в какой-то момент решил, что скаутского дела ему маловато, и организовал тайное сообщество борцунов со взрослыми — Коша-

чий Легион, названьице что надо. И еще неизвестно, что бы эти борцуны натворили, если бы не случилось, как в песне: «Последнюю малину накрыли мусора».

Умный мальчик нам достался. Решив удрать с экспедицией в даль светлую, к делу пацан подошел основательно. Что характерно, в трюм Сухов забрался еще за день до отплытия, когда большого количества народу на причале не было. Укараулив удобный момент, он с гермомешком незаметно сплавился по Волге и по-пиратски ловко и тихо влез на борт — готовый диверсант... Пока «заяц» находится у меня в оперативном подчинении, пусть почувствует начальственную длань, это полезно. В подчинение Сашке я огольца отдавать не стал: во избежание проявлений дедовщины. Пока так, а дальше думать буду.

«Клевер», покачиваясь на волне, скользил вдоль берега.

Темно-синие валы по-прежнему с шумом и ревом разбивались о скалы, кое-где соленые брызги и пена взлетали на десяток метров. На плоских гранитных площадках лежали морские львы, гревшиеся на скале под мягкими, уже почти вечерними лучами. Семейство небольшое, но я не знаю, насколько такие кланы велики на Камчатке, например. Коричневые тела морских зверей были хорошо заметны на сером фоне скал, при наличии времени вполне можно пересчитать. Абсолютно все с интересом и без всякого страха смотрели на проплывающее судно. А вот рыбу, смотрю, никто не ловит — наверное, время вечернего клева еще не наступило, будем знать...

И вот она — скала на мысу, высотой не менее трехсот метров, складчатая, сложенная из каменных ступенек, высоких и узких, что тянулись до самой вершины. Океан был относительно спокоен, но здесь, у самого края островной земли, прибой вставал огромными пенными валами, накатывающимися на каменные глыбы. На втором, самом большом утесе-«ступеньке», который было видно с борта корвета, высоко над пеной, прибором, морскими львами и белыми от помета скалами шумел птичий базар. Поднятые в воздух шумом двигателя, они снялись и стаями закружили над головами, прикидывая, чего можно ожидать от нахальных пришельцев. Медленно обогнув мыс, мы вскоре оказались вне

зоны океанского прибоя, а потом «Клевер» подошел к большой бухте, находившейся с подветренной стороны острова.

Почти сразу шкипер поставил движители на самый малый ход.

— У нас гости, господа! — сообщила Катрин, перевешиваясь через леера.

Я подскочил к левому борту, встал рядом с Кастетом, машинально отметив, что Zicke отчего-то не торопится присоединиться к нам.

Из темной глубины без всплеска и брызг поднялся здоровенный морской лев и принялся внимательно разглядывать незваных гостей прищуренными глазами с седыми ресницами. Чуть ли не до половины туловища высунувшись из воды, он держался на еле заметных волнах с легкостью пустой бутылки из-под колы. Но насладиться зрелищем мы не смогли. Что-то зверю не понравилось во взглядах, в гавканье Боцмана, или же мы всем скопом ему надоели — морской лев махнул лапами и бесшумно скрылся, как заправский диверсант.

Основной остров в плане имел форму уродливой буквы «С», на два километра растянувшейся с севера на юг. В самой широкой части остров размером похвастаться не мог — не больше семисот метров, пятнадцать минут ходу через холмы.

Развернутая на восход бухта была глубокой, спокойной, с ровной, насколько виделось мне сейчас, линией берега. Рядом с мысом эхо океанского прибоя медленно колебало уровень воды, вместе с волнами невысоко поднимался и опускался почти замерший «Клевер», влекомый приливным течением к заливу. Понижаясь к югу, непрерывная каменная стена справа от нас сменялась отдельными каменными глыбами, торчавшими среди коротких песчаных дюн, постепенно переходящих в пологий пляж белого песка. Далеко к северу, где пляж бухты заканчивался, опять начинались нагромождения скал. Наверняка тут есть подводные гроты и прибрежные пещеры, раздолье для настоящих искателей приключений. И для сталкеров, конечно. В общем, есть тут где спрятаться, за всем следить надо. Радиоразведка в такой ситуации крайне полезна — Юра почти безвылазно сидит в

радиорубке, сканирует эфир на всех частотах, пару раз всего вышел посмотреть на пейзажи.

Как только мы вплыли в бухту, ситуация на воде изменилась. Волнение практически прекратилось, «Клевер» пошел непривычно гладко и ровно. Здесь спокойно и красиво. Мой взгляд все еще приковывал оставленный справа высокий мыс, дерзко вдававшийся в море: он тут явно доминировал, остальные горки над бухтой низкие, лесистые.

Примерно в километре напротив бухты, спрятавшись в ветровой тени большого брата, лежал еще один остров, шестой по счету, гораздо меньше главного в архипелаге, но не такой маленький, как одинокие скалы в океане. Там виднелся длинный песчаный пляж, пальмы, выгнутые ветром, а по бокам стояли крутые скалы, отвесно уходящие в море. Младший братик. Итого пока в архипелаге обнаружены два острова из шести, пригодные для жилья.

Мерно рокотал на малых оборотах двигатель мотобота, «Клевер» почти дрейфовал в безмолвии первозданной тишины. Неожиданно справа из-за мыса донесся какой-то неземной печальный звук — даже за выступом скалы в нем можно было узнать искаженный эхом вой морских львов. Не нравится им вторжение.

— Внимание! Гаруда на скале! — громко доложила Ленни.

Черт! Я не стал поднимать бинокля, сразу сдернув с плеча винтовку, вжал приклад «маузера» в плечо и приложился к оптическому прицелу. Есть. Одинокая птица-легенда сидела на самой вершине огромной скалы южного мыса, зловеще повернув голову в сторону плывущего внизу судна.

— Девушки, быстро в рубку! И собаку уберите. Костя...

Я оглянулся в поисках Лунева. Ух ты, и заметить не успел, как он оказался возле «максима». Подбежав к нему, я торопливо схватил вторую гарнитуру СПУ.

— Ули, стоп! Смотрим! Сомов, готовность!

Оба пулемета уставились на вершину скалы, взяв на мушку черную птицу.

— Почему птичий базар на нее не реагирует, а? — задумчиво молвил Костя, чуть опустив ствол. — По идее все остальные птички должны были забиться в самый дальний угол острова, в колючие кусты, в грунт по маковку...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Состав экспедиции «Беринг»	5
<i>Глава 1.</i> Открытые воды. Свежий ветер с юга	6
<i>Глава 2.</i> Острова в океане. Первые открытия, встречи и находки	36
<i>Глава 3.</i> Побережье Южной Америки. Место под солнцем	65
<i>Глава 4.</i> База Форт-Росс. Дела житейские, и не только.	95
<i>Глава 5.</i> Окрестности водные и земные. Приключения на берегах Амазонского залива начинаются	120
<i>Глава 6.</i> Колония Форт-Росс. Территория расширяется, уровень второй	150
<i>Глава 7.</i> Окрестности форта. Проклятое оружие	180
<i>Глава 8.</i> Выше по течению реки. Один короткий рейд	211
<i>Глава 9.</i> Форт-Росс и окрестности. Лучше старенький ТТ, чем дзюдо и карате.	243
<i>Глава 10.</i> Много выше по Амазонке. Доусон, городок на фронтире	268
<i>Глава 11.</i> Предгорная дорога и прилегающие земли. Укрощение строптивых	294
<i>Глава 12.</i> Территория. Тихие версты	325
<i>Глава 13.</i> Город Мертвых. Очень длинный день.	359